

Быстро меняется время. Вместе с появлением различных, ранее неизвестных профессий и новых видов человеческой деятельности неизбежно уходят в прошлое занятия, как индивидуальные, так и коллективные, которым не находится места в современной жизни. Но знать-то о них надо! Изучить, запомнить и передать эти знания следующим поколениям. Такую цель преследует, помимо всех прочих, в первую очередь, образовательных, подготовка к изданию книги «История станицы Гундоровской Области войска Донского». Это историческое исследование появится на свет благодаря полученному Донецким историко-краеведческим музеем гранту, выделенному Президентским фондом культурных инициатив.

Сотрудники музея в творческом сотрудничестве с краеведом, членом Союза писателей России Сергеем Сполохом собирают сведения о самых различных сферах жизни гундоровского казачества. И сегодня рассказ – об одной из них.

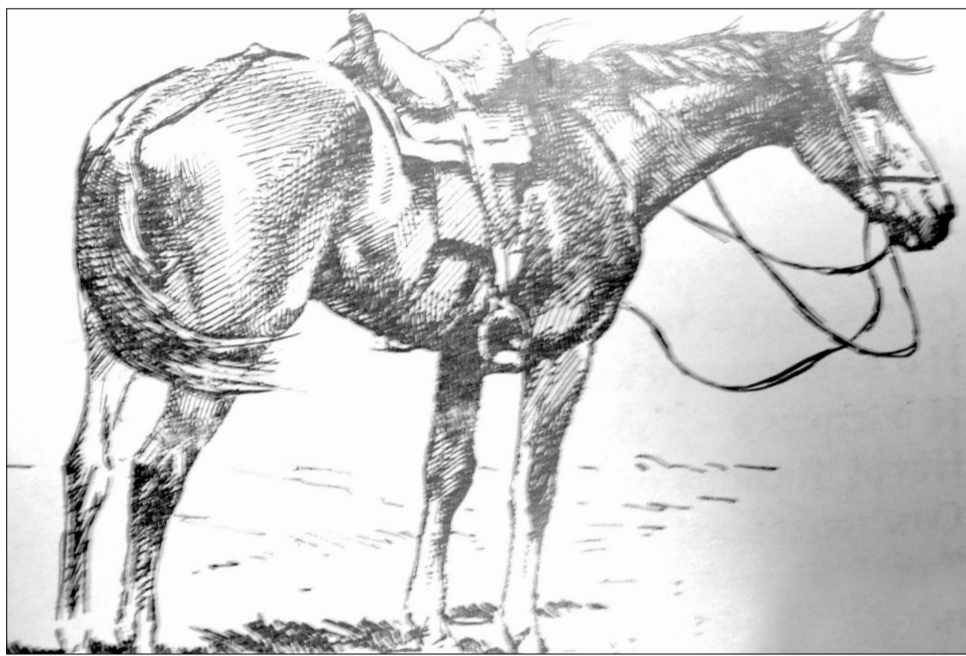
Коневодство в станице Гундоровской

В особом почёте в станице Гундоровской, как, впрочем, и в других казачьих станицах, было коневодство. В отчёте станичного атамана за 1912 год по этой отрасли хозяйства представлены такие сведения. У лиц войскового сословия в собственности находились 6 304 рабочих и 503 строевых лошади. Иногородние и иностранники имели всего 110 голов рабочих лошадей, а строевые лошади им были не положены. Для улучшения породы в станицу были присланы 29 войсковых жеребцов. У станичного атамана был специальный помощник по конно-плодовой части, в обязанности которого вменялось поддержание порядка в станичном табунном отводе. Он должен был следить за соблюдением породистых кондиций лошадей. Поскольку рядом с юртом станицы Гундоровской находился войсковой Провальский конный завод, то помощник станичного атамана по конно-плодовой части всегда стремился получить в станицу самых лучших жеребцов-производителей.

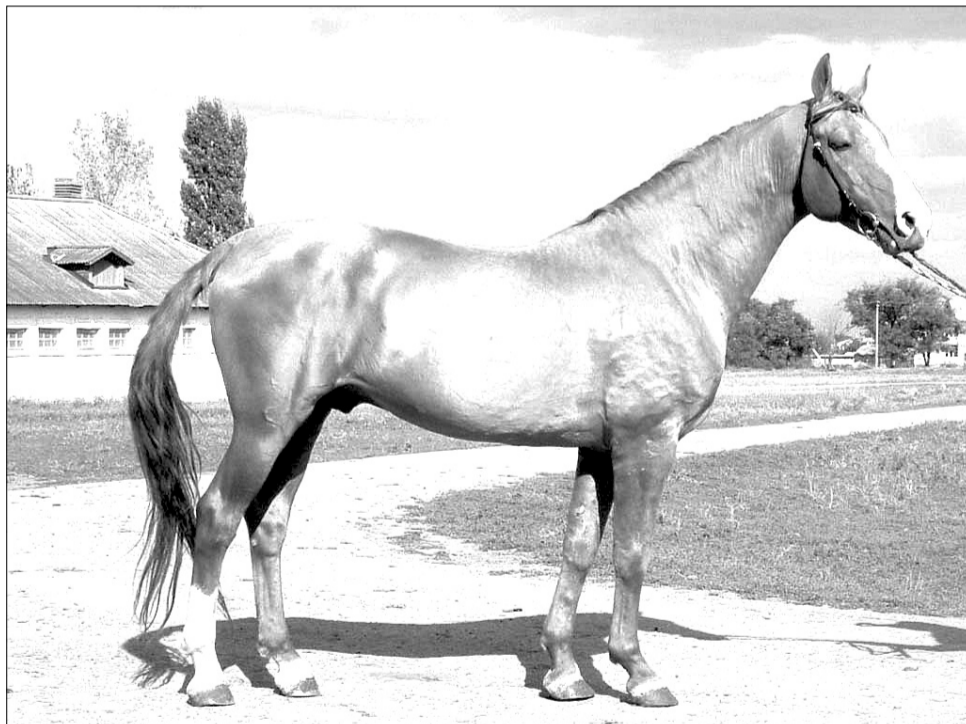
В 1910 году в Москве была издана памятка по истории прославленного питомника лошадей донской и других пород. Давайте полистаем страницы этого издания. Войсковой Провальский конный завод был основан, согласно высочайшему повелению, в 1842 году. В качестве основной задачи ему предписано «*послужить рассадником жеребцов-производителей для станичных табунов*».

Завод начал функционировать в 1846 году в составе 20 жеребцов и 250 конематок. С 1852 года он расширен вдвое: до 40 жеребцов и 500 конематок. Стараниями специалистов десятилетиями создавалась и пестовалась донская порода. Интересна внутренняя организация этого, как бы сейчас сказали, племенного сельскохозяйственного предприятия. Каждый косяк лошадей имел свой выпас и за его границы жеребцы не выпускали маток. Они же не подпускали к себе маток другого косяка. Время и место водопоя жеребцы также отлично соблюдали и сами гнали кобыл на водопой и для купания в пруды. Во время жары и изобилия мух жеребцы загоняли свои косяки в провальский лес или же на самые высокие степные холмы, на ветер.

Жеребцы делились на три основные категории: чистокровные, полукровные и косячные. По состоянию на 1910 год на заводе постоянно содержалось

Строевой казачий конь.

Типичный представитель донской породы.

до двух тысяч голов лошадей. Для всей этой массы животных хватало помещений для содержания зимой и в ненастную погоду. Существовал ветеринарный лазарет на 250 лошадей, было и свое родильное отделение. Всю весну, лето и начало осени народившийся приплод содержался вместе с кобылами. Во второй половине октября жеребята отнимались от маток и ставились в отдельные теплые помещения, где содержались всю зиму, получая ежедневно по два гарнца овса (объём 6,56 литра) и до 20 фунтов (вес

9,06 килограмма) лучшего степного сена. Как говорится, блюли породу смолоду и кормили будущую гордость донского коневодства очень обильно.

Завод имел в своём распоряжении 22 000 десятин земли, из них было 8 000 десятин каменистой и неудобной (десятина – 1,09 гектара). Ежегодная потребность завода в сене достигала 250 тысяч пудов (более четырёх тысяч тонн) и до 50 тысяч пудов овса (более 800 тонн).

У гундоровцев в отношении выбора строевых коней перед отправкой их на

действительную военную службу было одно неоспоримое преимущество. Просто рядом со станицей, буквально в нескольких от неё верстах, находился тот самый Провальский войсковой конный завод. На этом заводе проводились выставки-ярмарки, где можно было приобрести коня.

Сегодня на месте некогда знаменитого Провальского войскового конного завода, в селе Провалье соседнего региона, растянулась цепочка бывших старых конюшен, переделанных под бараки. В них – административные здания, клуб и небольшое кафе. Никаких, даже приблизительных, напоминаний о славном прошлом этого богатого, когда-то шумного и известного на всю округу селения, настоящего центра донского конезаводства, нет и в помине.

В архивах имеется один из документов в виде памятки, в котором говорится, каким должен быть казачий породистый конь: «*Голова небольшая, но сухая; лоб прямой, уши острые, недлинные, нешироко поставленные; шея пропорционально длинная, без кадыка; грудь широкая, лопатка отлогая, холка возвышенная; спина короткая, крестец длинный, ноги правильные, сухие, костями широкие, связки плотные, мышцы в плечевых суставах плотные и твёрдые, окорока объёмистые и мускулистые, задние колена (скакательный сустав) широкие, плоские и сухие, бабки хорошо поставленные, не совсем прямые и не слишком свислые, копыта упругие, лёгкие. Тело вообще плотное, мускулистое, шерсть лоснящаяся, гладкая, короткая, нежная, волосы на гриве и хвосте тонкие и лёгкие... Прямое следствие соразмерности лошади есть правильность её движений*».

Конечно, такие кони-красавцы нужны были исключительно для строевой казачьей службы. Содержать их в своём хозяйстве было накладно, особенно для офицеров, находившихся на так называемой «льготе». Большинство обычных станичников, помимо строевых лошадей, интересовались теми, которых можно было поставить под упряжь, то есть использовать в качестве гужевого транспорта. Основным средством передвижения по просторам Области войска Донского тогда являлась упряжная лошадь. Впрягалась она в телеги, повозки, фуры, тарантасы, брички и другие колёсные экипажи.

Величайшим бедствием для хлеборобствующего населения Области войска Донского считалось конокрадство. Правительство России и войсковое начальство пытались предотвратить его и боролись с этим явлением. Так, 21 декабря 1876 года было утверждено положение государственного совета, согласно которому во всех общественных и частных табунах каждая лошадь старше двух лет должна была иметь присвоенное табуно тавро. Составили специальную картотеку этих самых тавро, и местные власти обязывались пресекать любые возможные случаи незаконного перехода лошадей от одного хозяина к другому.

Газета «Донские областные ведомости» от 1 сентября 1879 года писала об этом противоправном деянии так: «*Всем и каждому известно, как трудно преследование конокрадов, и что главные виновники этого зла почти всегда ускользают от преследования и остаются таким образом без наказания, а лишённые лошадей владельцы — без вознаграждения.*»

Среди мер по борьбе с конокрадством, помимо «*наложения тавра на каждую лошадь*», предлагалось выдавать патенты на особой гербовой бумаге с описанием лошади. При этом патенты должны были выдаваться станичным правлением с обязательным личным осмотром. Ну чем это не современный техосмотр транспортных средств? В заметке по этому поводу писалось так: «*Приобретение лошади без установленного патента должно считаться недействительным, а таковые лошади арестовываются за счёт приобретателя, не доказавшего законных прав владения лошадыю.*»

А это уже напоминает изъятие угнанного транспортного средства в чистом виде, так же, как это делается и в наши времена.

В той же станице Гундоровской наблюдались случаи, когда гундоровец пригонял с Каменской или Митякинской ярмарки лошадь. Проходила неделя, другая, и в юрт станицы приезжал прежний владелец, который и опознавал эту украденную у него лошадь. Получалось, что у нового хозяина и «деньги плакали», и лошадь с подворья уводилась.

Мошенников и аферистов в сфере торговли всегда хватало. Менялось, в зависимости от времени, только поле их деятельности. Особенно большое число мошенников было в самой прибыльной торговле того времени — торговле лошадьми.

Возраст лошади, как известно, определяется по зубам. Есть хорошая поговорка о том, что дарёному коню в зубы не заглядывают. Ну а если конь не дарённый, а приобретённый на трудовые казачьи копейки? Тогда как?

Тех, кто перепродавал лошадей, называли барышниками. Барышники были изворотливы и неутомимы на выдумку, прибегали к разнообразным уловкам, чтобы затруднить рассмотрение зубов продаваемой лошади, да так, что опытные, разбирающиеся в лошадях казаки только диву давались.

Например, вызывалось обильное выделение слюны. Густую пену получали от медной цепочки или кормления поджаренным хлебом с солью. Или делали ещё проще: перед перепродажей коня били по морде, чтобы он боялся подносимой руки и не

давал рассматривать зубы. Лошади, имеющей большие впадины под глазами от истощённости, вдували воздух под кожу. Если обвисали уши, а это признак старости, то делался шов, и нитками стягивались уши так, чтобы они стояли торчком. Сивую лошадь, а лошадь с возрастом, как и человек, седеет, барышники подкрашивали разными красками, чаще всего чернилами или хной. Если животное буйное и не давалось для осмотра, его подпивали перед ярмаркой вином. А чтобы увеличить видимость роста для низкорослых коней, их подковывали шипованными подковами. Так что одна из проделок, на которую попался любимый герой, изображённый в «Поднятой целине» Шолоховым, — дед Щукарь, тоже из казачьей жизни. Если помните, он тогда купил кобылу, которую надули воздухом через камышину обитатели целого цыганского табора. Что и говорить, надувательство в чистом виде!

Да, горе простаку, попавшему в руки барышников! Хотя, справедливости ради, следует сказать, что в донской прессе был такой информационный уголок, похожий на сегодняшний «уголок Остапа Бендера». В заметках рассказывалось обо всех уловках

В бой вместе с верным боевым товарищем.

мошенников, в том числе и о тех, которые описаны в этой публикации. Да беда, что не все станичники, отправлявшиеся на ярмарки и базары, читали нужные страницы в газетах.

Войсковой Провальский конный завод в конце XIX века открыл в юрте станицы Гундоровской, рядом с хутором Дорошевка, отделение по разведению племенных жеребцов. После 1920 года это отделение преобразовали в гундоровскую госконюшню, просуществовавшую до конца XX века. У этого сельскохозяйственного предприятия была достаточно интересная история. Жаль, что о ней сейчас совсем забыли. В годы НЭПа госконюшня активно работала по поддержанию и развитию коневодства для местных сельхозпроизводителей, и даже для красной кавалерии. Полки Красной армии, дислоцированные в соседнем Каменске, именно с гундоровской госконюшни комплектовали свой конский состав. Во время начавшейся коллективизации персоналу этого сельхозпредприятия было поручено обеспечить создаваемые колхозы племенным поголовьем. Задача была не из простых. Не хватало кормов.

Трудно было убеждать председателей колхозов и бригадиров в том, что время отказаться от лошади в сельском хозяйстве тогда ещё не пришло. Тем уже грезилось, что железный конь в виде трактора полностью заменит патриархальную лошадку. И тогда зачем её кормить и холить? В начале 30-х годов повсеместно на Дону конское поголовье уменьшилось в 2-3 раза.

Однако вместо борьбы с реальными причинами такого положения дел был организован натиск на слова, с помощью огромного количества лозунгов. Правда, они помогали мало, но колхозникам запоминались. Была провозглашена цель: «Разбить кулацкую атаку на коня!», и всё, что было связано с недоработками в колхозной жизни, тут же объявлялось кулацкими про- исками, а там уже и до отправки на Соловки недалеко. Ли-

борьбы проходила тогда по всем сферам жизни сельских тружеников.

Характерен такой пример. При гундоровской госконюшне был организован случайной пункт. Там содержалось несколько племенных жеребцов, которые обслуживали всю округу. Существовал преискуррант за услуги случайного пункта. С колхозов брали 2 рубля, с кооперативов и единоличников — по 3 рубля, с середняков — по 5 рублей. Кобылы из кулацких хозяйств, а их к 1933 году уже в станице почти не осталось, к племенным жеребцам не допускались совсем.

Был ещё и такой лозунг в колхозной жизни: «Лошадь и вол вместе с нами строят колхозы!». Некоторые колхозники, острые на язык, от себя ещё и добавляли: «А порой и мы работаем вместо них». Только говорили это полупрошепотом, озираясь вокруг, а то можно было отправиться туда, где и колхозная жизнь могла показаться раем.

О том, какой была эта самая колхозная жизнь и какое место в ней занимал рабочий скот, в том числе и лошади, рассказывалось в регулярных публикациях газеты «Труд» Каменского района. Почитаем одну из них, датированную 9 июня 1932 года:

«*Колхоз имени Калинина гундоровского сельсовета заканчивает сев в числе последних. О причинах позорных показателей можно судить по третьей бригаде, в которой полное отсутствие массовой работы. Трудодисциплина колхозников низкая. Выхождаемость колхозников на работу только 50 процентов. Из имеющихся*

58 пар волов ежедневно гуляют 30 процентов. Весь конский состав бездействует. В бригаде приспособились загружать лошадей скачками. Бригадир Дюбарев, кроме итогов скачек, что он на лысом коне обогнал Ивана, ничем не занимается. Учёт труда колхозников запущен. Вместо действительного руководства севом в бригадах в степи председатель совета Серов Я. и секр. ячейки Жеребилов пьянствуют. 1-2 мая пьянствовали всем хутором. Сев сорвали. 15-16 мая пьянствовали в хуторе Ореховка.»

Обвинение в пьянстве было самым безобидным. А вот претензии по плохому уходу за колхозными лошадьми уже тянули на уголовную статью.

В каменской районной газете «Труд» от 13 сентября 1934 года была опубликована разгромная статья по гундоровской госконюшне. В ней говорилось:

«*Руководит гундоровской госконюшней Леоценко Арсентий Григорьевич. План весеннего сева по госконюшне не выполнен, 100 гектаров недосеяно. От безобразного ухода пало три племенных жеребца. Не вовремя начат покос овса, и десять процентов овса ушло в землю. Разнузданный Леоценко занимался систематической пьянкой и разбазариванием продуктов.*»

Бывший завхоз госконюшни Оленцевич вызвал одного рабочего в сарай и сказал:

— *Критиковать действия начальства — деяние контрреволюционное.*»

Заканчивалась эта статья короткой информацией о том, что все бывшие руководители коневодческого предприятия исключены из партии. Эта мера становилась первой в череде репрессий, а вот какими они были, всем хорошо известно.

Можно привести и такой пример: в Сорокинской районной газете «Ударник» от 1 марта 1931 года опубликована заметка «Кулаки работают»:

«*В колхоз «Красный Октябрь» хутора Верхне-Шевырёвка пробрался кулак Усачёв, работающий там в качестве конюха. Усачёв часто оставляет ночью на конном дворе зажжённый фонарь. А сам уходит домой. Когда колхозники предупредили Усачёва о недопустимости такого отношения к хозяйству колхоза, он ответил:*

- Чёрт с ним. Имущество артельное, а не моё. Сгорит, туда ему и дорога.»

Разве можно в этом случае говорить о любви к лошади и заботе о ней? А ведь колхозники наверняка слышали такое от вчерашнего казака. Другого населения в этих краях тогда ещё не было.

Сейчас коневодства в станице Гундоровской нет, и жеребцы донской породы, выращенные в степях у Северского Донца, на ростовском ипподроме уже давно не выступают и в подсобных хозяйствах не используются.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России.

Внимание читателей, желающих приобрести книгу «История станицы Гундоровской Области войска Донского»: информацию об этом вы можете получить по телефону: 8-928-227-08-10.